

А. И. Долгова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, президент Российской криминологической ассоциации, главный научный сотрудник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

КРИМИНАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО

1. Еще в XIX веке в учебниках уголовного права, развивая подход Листа, авторы отмечали тесную взаимосвязь: уголовного права или уголовной догматики; криминологии или этиологии преступления; уголовной политики, «изыскивающей целесообразные меры борьбы с преступностью и основывающейся на криминологии».¹

Действительно, необходима должная криминологическая обусловленность уголовного закона — его соответствие криминальным реалиям во всем их разнообразии и в постоянном движении. Иначе уголовный закон даже в его основополагающей Общей части не будет отвечать задачам уголовной политики — эффективного реагирования уголовно-правовыми средствами на новые либо трансформирующиеся высоко общественно опасные явления, как криминализованные, так и подлежащие криминализации.

Бурные события XX — начала XXI веков привели к глобализации преступности как в рамках отдельных государств, так и Земного шара в целом, а также к появлению ее новых, все более общественно опасных характеристик. Полем функционирования преступности становились огромные трансрегиональные и транснациональные пространства. Закономерна в таких условиях глобализация борьбы с данным опасным феноменом путем выработки на международном уровне общепризнанных принципов и норм, международных договоров.

Преступность при просчетах борьбы с ней все в большей степени проявляет себя как системное явление со своими собственными, «внутренними» характеристиками. Такими как устойчивость, активность, организованность.

В результате процесса детерминации, причинности преступности имеют своей составляющей самодетерминацию преступности, ее целенаправленное и наступательное воздействие на общество. В этом случае происходит деформация общественных отношений, основанных на законе, морали и других выработанных цивилизацией социальных регуляторах; формируются: а) типы личности с установками на высоко общественно опасные, уже запрещенные или подлежащие запрещению уголовным законом формы поведения, б) личностные типы — приспособленцы к криминальной ситуации, в) типы людей, не решающихся или не умеющих противостоять криминалу и созданным им нормам, ценностям, стандартам поведения, организованным преступным формированиям.

Многолетними исследованиями установлено, что не только преступления определяют характеристики преступности, но и характеристики преступности как системы влияют на характер совершаемых деяний. Например, в условиях функционирования преступности совершаются многие криминальные деяния, которые бы без этого не совершались. Показательно, что 6 % от всего изученного криминологами в России массива умышленных убийств составили убийства, связанные с противоборством преступных группировок либо их с частными охранными предприятиями².

¹ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 24.

² Антонов-Романовский Г. В. Проблема «новых» убийств в России и борьбы с ними/ Криминальная экономика и организованная преступность/. М., 2007. С. 79–81. Матвеева Н. С. Криминологический анализ состояния защищенности предпринимателей от тяжкого насилия в Центральном Федеральном округе/ Криминальная экономика и организованная преступность / М., 2007. С. 86 и сл.

Что такое криминологическое понятие «организованная преступность»? Организованная преступность — это качественно новое явление по сравнению с отдельными организованными преступлениями и организованными преступными формированиями, она — процесс и результат интеграции их в единой системе в разнообразных взаимодействиях.

Речь идет о сложной системе: а) организованных преступных формирований, б) их отношений, в) их деятельности.

Взаимосвязаны разными нитями и на разной основе различные преступные организации, фиксируется взаимосвязь их деятельности (сотрудничество при совершении преступлений, приглашение для отдельных криминальных операций киллеров или других «специалистов» из других организаций и т. д.). Между разными организованными преступными формированиями складываются сложные взаимоотношения на почве раздела сфер влияния, решения вопросов об иерархии в криминальной среде, криминальной, противостоящей государству и закону, политике и др. Рис. 1 отражает организованную преступность как систему взаимодействующих преступных формирований с управляющими структурами — преступными сообществами «воры в законе» и другими.

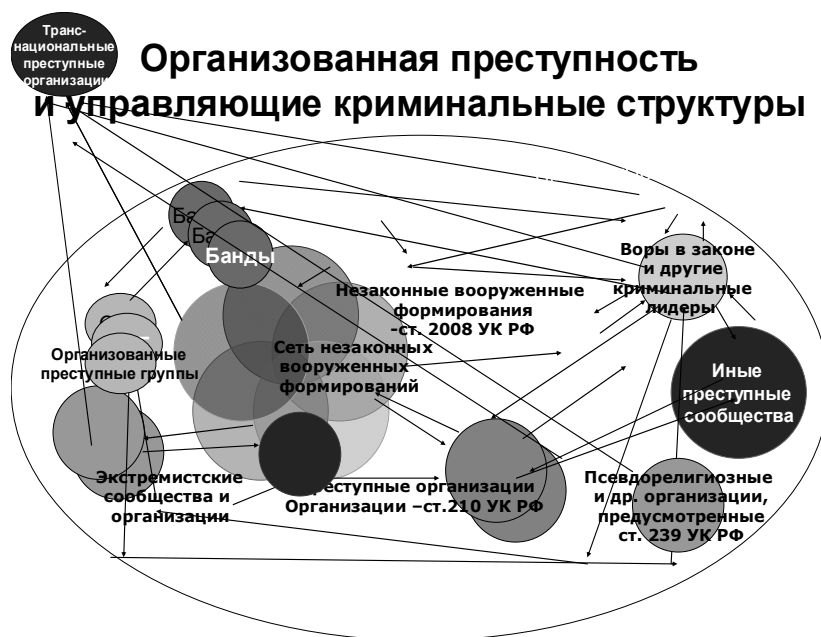

Рис. 1. Организованная преступность как система взаимодействующих преступных формирований разного типа, в том числе управляющие структуры — преступные сообщества «воры в законе» и другие

На рис. 1 показаны не только взаимосвязи организованных преступных формирований, действующих в России, но и их связи с транснациональными преступными формированиями. Такие взаимодействия осуществляются в формах и консолидации, и конфронтации с различными их вариантами. Кроме того, различаются типы и виды фактически криминальных формирований, для которых характерна преступная деятельность и ее организация.

В проекте Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» различались два типа организованных криминальных формирований: а) преступные организации, создаваемые на базе и для совместной преступной деятельности,

б) преступные сообщества как надорганизационные структуры в криминальной среде с функциями управления, координации и т. п. Один из примеров последнего — преступное сообщество «воры в законе».

Криминологические исследования со все большей очевидностью показывали, что преступность все чаще проявляет себя не только в отдельных преступлениях (действиях или бездействии), но также в преступной деятельности как системе преступных деяний, причем часто — организованных преступных формирований как коллективных субъектов преступной деятельности.

Однако до сих пор, несмотря на многочисленные публикации криминологов и предлагавшиеся ими правовые новеллы, в уголовном законе отсутствует понятие «преступная деятельность». Ее вынужден признавать законодатель в России в комплексных законах «О противодействии терроризму», «О противодействии экстремистской деятельности», но в уголовном законе России данное понятие отсутствует.

В России террористическая деятельность в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» трактуется следующим образом: «террористическая деятельность — деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности».

Все эти деяния в системе фиксируются у организаторов преступных формирований и их криминальной деятельности. Однако в теории уголовного права не выработано подхода к данному феномену как качественно иному явлению по сравнению с отдельным преступлением и его общей уголовно-правовой оценкой. По ситуации спонтанно криминализируются лишь отдельные элементы преступной деятельности и в результате данные элементы получают уголовно-правовую оценку в качестве отдельных преступлений с применением норм о стадиях, соучастии и множественности, повторности преступлений. В одном из уголовных дел деяния обвиняемых по несколько десятков раз квалифицировались по одной и той же части одной и той же статьи УК РФ. Не фиксировалась система таких деяний.

То есть подход к организованной преступной деятельности оказывается на практике аналогичным подходу к отдельному преступлению (действию или бездействию).

На практике нередко реагируют на организованную преступную деятельность, привлекая ее участников к уголовной ответственности лишь за отдельные преступные деяния, являющиеся эпизодами сложной деятельности. Кажется вечным призыв к следователям: «рубите концы — не занимайтесь гигантоманией». Реже отмечается реагирование в рамках института соучастия в преступлении, но при этом тоже происходит своеобразное «обрубание концов». И только единицами насчитываются уголовные дела, в которых последовательно и полно отражается вся криминальная деятельность. Именно в последнем случае обнаруживаются характер и место отдельных деяний в их общей системе; организаторы и руководители осуждаются к строгим мерам наказания, как они этого заслуживают, а участники — соответственно их реальному вкладу в отмеченную деятельность и сотрудничеству с органами правопорядка в ее разоблачении.

Изложенное соответствует международно-правовому подходу, изложенному, в частности, в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности. Однако не все обязательства, связанные с таким подходом, выполнены. Например, в России до сих пор не введена уголовная ответственность юридических лиц, хотя она не противоречит принципам уголовного закона.

Когда речь идет о сложной, многоаспектной преступной деятельности, организационной деятельности, то, как правило, ее субъект — то или иное криминальное формирование. Причем многие фактически криминальные преступные организации легализуются и выступают в качестве юридических лиц. Или юридические лица превращаются в результате запрещенной законом деятельности в организованные преступные формирования.

Не случайно в целом ряде документов ООН, как и других международных организаций, отмечается необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц. Уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности и другими международно-правовыми документами¹. Введение уголовной ответственности юридических лиц не противоречит принципам уголовного права, изложенным в главе 1 УК РФ².

Таким образом, при введении уголовной ответственности юридических лиц не фиксировалось бы никакого посягательства на национальные правовые принципы. Тем более, что административная ответственность юридических лиц уже установлена Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, данный институт является действующим. Однако только административной и гражданско-правовой ответственности юридических лиц недостаточно при реагировании на организованную преступность.

В УК Украины, судя по тексту закона, также не содержится указания на принципы, препятствующие введению данного института. В ст. 2 данного Кодекса говорится, что «основанием уголовной ответственности является совершение лицом общественно опасного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренного настоящим Кодексом», в ст. 11 «Понятие преступления» говорится о «субъекте преступления». Однако в статье 18 «Субъект преступления» конкретизируется, что это именно физическое лицо. В общем, российским, украинским и другим коллегам — специалистам в области уголовного права есть над чем поработать.

Вопрос об ответственности организаций, юридических лиц является непростым и в другом отношении. В ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» законодатель в России ввел новое понятие «ответственность *организаций за причастность к терроризму*». Это — организации, от имени или в интересах которых осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных перечисленными статьями УК РФ, а также лицом, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей. Организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность — запре-

¹ В ст. 10 «Ответственность юридических лиц» Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности говорится, в частности:

«1. Каждое государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа, и за преступления, признанные таковыми в соответствии со статьями 5, 6, 8 и 23 настоящей Конвенции.

2. При условии соблюдения правовых принципов государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной».

² В статье 14 «Понятие преступления» УК РФ не указывается его субъект: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Положение о том, что «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом», содержится лишь в главе 4 «Лица, подлежащие уголовной ответственности».

